

Отцы и дети

Моррис Фернандез

Он был зол, и на этот раз желание убить было сильным. И он, оставив этого щенка, ушел в гостиную. В серванте стояла единственная бутылка виски, которую в знак знакомства подарил мсье Мотидзуки. Так и не начатая, ожидала она своего часа и, кажется, этот час настал. Мужчина открыл бутылку, плеснул немного в стакан и выпил. Напиток оказался вкусным и мягким на ощущения. В общем достойный подарок.

Моррис поморщился и грустно вздохнул. Посмотрел в окно. Последние дни февраля выдались холодными, снежными. С метелью и заморозками. Это его пугало. Потому что именно в такой снегопад с метелью его дочь убежала, испугавшись чего-то. Он не знал, где ее искать, да и оставить квартиру этому щенку не мог, поэтому становилось страшно, что с его любимой Яри может что-то случиться.

Он вошел в ее комнату и увидел лежащий на столе мобильный телефон. Разблокировал его (ему повезло, что дочь не любила всякие пароли или отпечатки пальцев) и залез в контакты, чувствуя, что поступает неправильно. Но это был единственный выход. Найдя номер Тору, он нажал на значок "вызов". Долго никто не брал трубку, а потом что-то заговорили на китайском. По писку после сообщения, он понял, что у него включена опция голосовых сообщений. Моррис собрался с мыслями.

- Мсье Мотидзуки, простите за поздний звонок, это синьор Фернандез, папа Яреци. Недавно между ней и ее братом произошли разборки. Она убежала из дома. Я так и не понял, что произошло. Я не знаю, куда она могла побежать, но могу предположить, что на набережную. Там есть ее любимая пристань. Я думаю, она должна была вам ее показать. Если... помогите мне найти ее. Я... я прошу у вас прощения за то, что случилось в нашу встречу...

Голос сорвался, и он отключил телефон, подавив в себе судорожный стон. Весь разговор он пытался говорить нормальным голосом, но он предательски дрожал. Ему не нравилось это, и он, отключив телефон, выпил еще немного виски и закурил.

Тору Мотидзуки

Эти несколько дней после ссоры с Яреци превратились в его персональный ад, заставляющий снова и снова проходить через один и тот же аттракцион пыток. Каждое утро ему приходилось открывать глаза в квартире, пропитавшейся запахами Яри и пользоваться вещами, еще недавно чувствовавшими тепло ее рук. А дальше начинался бесконечный бессмысленный день полный попыток уйти в работу от мучивших его мыслей, заканчивающийся глубокой ночью, когда ему удавалось забыться коротким сном. Казалось бы, он мог избавить себя от большей части душевной терзаний просто набрав знакомый номер и сделав первый шаг к примирению. Но Тору не хотел. Точнее, хотел очень сильно, но каждый раз, когда рука тянулась к телефону, себя останавливал.

И на то была одна важная причина. Естественно, Мотидзуки не собирался отказываться от своей женщины, особенно после данного ее отцу обещания взять на себя за нее ответственность, но он ждал хоть какой-то реакции от самой девушки. Он до сих пор не мог поверить, что она так легко ушла, перечеркнув все, что было до этого, из-за банальной размолвки. Ведь он сам никуда ее не выгонял и не запрещал возвращаться. И ему безумно хотелось увидеть, что она готова не только лить слезы из-за их отношений, но и перебороть свои страхи и сделать что-то, чтобы их спасти.

Эта ночь показалась Тору особенно тяжелой. То ли дело было в отвратительной погоде, чувствовавшейся даже когда ты находился в теплой квартире, то ли во все разрастающемся чувстве одиночества, но лежа в пустой без Яреци кровати и глядя на тусклый свет ночника, японец всерьез начал задумываться о том, что он забыл в этой холодной чужой стране. В какой-то момент Тору все же удалось ненадолго задремать, но этот короткий сон, после пробуждения, вместо желанного облегчения принес с собой лишь головную боль и желание схватиться за меч и устроить кому-нибудь небольшое кровопускание. Хотя бы себе.

Мотидзуки протянул руку и взял лежащий рядом на тумбочке телефон, чтобы посмотреть время. Помимо того факта, что сейчас была глубокая ночь, он обнаружил наличие голосового сообщения и удивился тому, что сквозь обычно чуткий сон умудрился не услышать телефонного звонка. Взволнованный голос Морриса Фернандеза, сообщающего, что Яреци в очередной раз сбежала, теперь уже из родительского дома, заставил Тору немедленно вскочить с кровати и начать натягивать на себя первые попавшиеся вещи, пытаясь при этом понять, на какие неприятности успела напороться его наивное чудо. Судя по всему, его первое впечатление о ее неприятном братце оказалось верным, и девушке пришлось в этом убедиться даже быстрее, чем можно было предполагать.

Проклиная женскую бестолковость и собственное решение оставить Яреци на несколько дней без присмотра и застегивая на ходу куртку, Тору выбежал на улицу. Он бывал на пристани, о которой говорил Моррис, но до нее еще нужно было добраться, а сделать это в такое время суток в практически незнакомом городе было не так уж и просто. Как бы там ни было, на месте он оказался где-то через полчаса и сразу бросился обшаривать каждый темный уголок в поисках беглянки.

- Яреци! - В голосе Тору слышались боль и отчаяние. Он не знал здесь ли девушка или совсем в другом месте, цела ли или уже успела нажить себе ночными прогулками дополнительные проблемы, но искренне надеялся, что, находясь она где-то рядом, не станет скрываться и подаст хоть какие-нибудь признаки жизни.

Яреци Фернандез

Она совершенно не помнила, как добралась до набережной. Не помнила, как добежала до пристани, как остановилась там, уселась на гранитный камень, вжавшись в угол и обняв колени руками. Слезы лились из её глаз, рыдания её душили, было страшно и невыносимо больно. С этим знанием, что Маркусу нужны были только деньги её отца, пришло знание, что из-за Маркуса она бросила Тору. Он заботился о ней, он любил её, подарил ей самые счастливые моменты в жизни, а она его предала этой пощёчиной. Несмотря на высокую температуру и тяжелую

болезнь она помнила его слова, адресованные ей. Он был прав, он всегда был прав, и в этот раз он оказался прав. Это угнетало. Не его правота, а чувство безысходности.

- Тору... Тору, зачем ты перерезал своей катаной веревку? Я ведь хотела приплыть к тебе, - кричала она, захлебываясь слезами и активно жестикулируя. Сейчас она не волновалась, что может выглядеть как-то глупо. Здесь было шумно из-за проезжающих машин, здесь постоянно гулял ветер, гоняя снег по замерзшей реке и пытаясь выгнать бедную девушку. Или пытаясь сделать ее жизнь невыносимой, кидая снег ей в лицо, за ворот куртки. Было холодно, но в какие-то моменты становилось жарко.

Маркус... он оказался предателем. Он заставил ее украсть деньги у отца. У любимого папы. Он наговорил ему всякие ужасы о Тору, и теперь папа никогда не захочет разговаривать с Тору.

- Тору... Тору... - шептали ее губы, когда слезы закончились и начались одни всхлипы. - Ты меня никогда не простишь. Я боюсь, Тору... я не знаю, что мне делать, как жить. - Она жестикулировала, снова глотая слезы.

В какой-то момент ей показалось, что она услышала голос. Тору звал ее. Она резко вскочила на ноги и пошатнулась от сильного приступа головной боли. Обернулась на крик и увидела его. Он стоял на ступеньке и казался призраком. Но нет, это был не призрак, а ее Тору. Тору, который решил спасти ее.

Она побежала к нему и уткнулась в его грудь. Заревела с новой силой, хотя была уверена, что слез уже не осталось. Болела голова, сильно драло горло, воздух вырывался со свистом. Было холодно, но холод в душе, пожалуй, был много сильнее холода внешнего. Он ее никогда не простит. Он пришел попрощаться с ней. Она не нужна ему, такая убогая и наивная. Такая дура, которая ничего не умеет и не понимает...

- Тору... прости меня... я... я прочитала его мысли. Он хотел, чтобы я украла у папы деньги. Он ненавидит меня, нашу семью. Он... Тору... он играл на моей болезни. Прости меня за эту пощечину. Прости, пожалуйста. Я не должна была так поступать. Я... я воровала деньги а папы. Я... мне страшно, я боюсь, что ты меня никогда не простишь. Я люблю тебя, мой милый Тору. Я сильно виновата. Я действительно психованная истеричка, наивный ребенок. Я... я... прошу, Тору, не бросай меня... я боюсь... я плыла в лодке, а ты перерезал своей катаной мне веревку, чтобы я не добралась до тебя... мне страшно, Тору...

Она кричала, махала кулаками в жуткой истерике, после которой ей наверняка будет стыдно. Но сейчас пришло осознание, что он действительно был прав. Она не должна верить всем, помогать всем. Ей нужно повзрослеть, стать старше и умнее. Но это будет потом. А сейчас ей необходимо избавиться от этого состояния, когда все нервы натянуты как струна и готовы в любой момент порваться. Так и случилось. Закончив свой монолог, она безвольно повисла у него на руках. Нет, она не потеряла сознание, просто следом за истерикой пришло чувство апатии. А у нее это смешалось с головной болью, простудой, слабостью. Она тихо всхлипывала, уткнувшись лицом в его куртку, а руками сжимая его куртку, будто это была

последняя ниточка, связывающая ее с тем берегом мутной реки...

Тору Мотидзуки

В первый момент Тору показалось, что отчаянный крик остался без ответа, что все надежды напрасны, и Моррис ошибся, прислав его на эту дурацкую пристань, если это недоразумение вообще имело право называться пристанью. Но тут впереди появилось какое-то движение, и перед глазами возникла живая, но, судя по внешнему виду, не слишком здоровая Яреци, подбежавшая и привычно уткнувшись в его грудь, демонстрируя, что это действительно она, а не порожденное обезумевшим мозгом видение. И как бы Тору не злился на ее глупое поведение, самым важным для него сейчас было, что он нашел ее до того, как успело случиться что-нибудь непоправимое.

А потом последовал очередной поток слез и путаный рассказ, из которого Мотидзуки вынес только, что оказался прав в своих подозрениях и беспутный братец Яри попытался использовать наивную сестру в своих целях. Ну а та, в свою очередь с готовностью попала в очередную ловушку, хотя еще совсем недавно обещала ему быть осторожной. И, что самое обидное, она даже не подумала поделиться своей проблемой с ним, пусть он чуть ли не тысячу раз просил ее об этом. Хотя чего он ожидал, она же просто ушла, как только он показал себя не с той стороны, которую она хотела увидеть...

- Дурочка! Какая же ты все-таки наивная дурочка! Когда же ты, наконец, начнешь думать о последствиях своих действий! - Тору не кричал, но в его голосе чувствовалась нескрываемая обида. Он разрывался между желаниями хорошенько встряхнуть, уцепившуюся за него девушку и крепко ее обнять и постараться успокоить. - Неужели я зря столько раз говорил тебе одно и то же? Ты просто пропускала все мимо ушей? Или тебе совсем плевать, что я думаю или чувствую, когда ты попадаешь в неприятности?

Тору замолчал, обхватил ладонями лицо девушки и приподнял ее голову, чтобы заглянуть в заплаканные глаза. Ему было безумно жалко свою непутевую Яри, но последние дни дались ему слишком тяжело, чтобы просто перечеркнуть их и сделать вид, будто ничего не было.

- Как ты могла просто так уйти? Ты решила так легко от меня отказаться? - Тон Тору повышался с каждым новым произнесенным предложением. - Для тебя наши отношения какие-то игрушки или детская блажь? Как же я на тебя зол! Прямо сейчас тебя простить? Да не дожدهшься!

Тору остановился, чувствуя что ему не хватает дыхания. Наверное он переборщил, но высказав все, что накопилось за последнее время, он испытал облегчение и смог продолжить разговор уже совсем другим тоном.

- Яреци, - его голос звучал намного мягче, чем раньше. - Чтобы ты понимала. Я, конечно, с удовольствием вытряс бы из тебя всю лишнюю дурь, но это не значит, что я собираюсь тебя бросить. Твой тессен... На нем есть надпись, которую я попросил нанести. В вольном переводе с японского она означает: "Сердце отданное в дар нельзя забрать обратно". И я очень надеюсь, ты догадываешься, что я хотел

этим сказать...

Тору выпустил лицо девушки из своих рук и на несколько секунд отодвинулся, позволяя ей подумать над своими словами, а потом, как он уже не раз делал до этого, притянул к себе и обнял, показывая, что раз он уже выбрал ее своей женщиной, то не станет от нее отказываться ни при каких обстоятельствах.

Яреци Фернандез

Сначала он молчал, и это было самым страшным испытанием. Он даже не обнимал ее, просто молча слушая ее истерику. Ей казалось, что он был каким-то отстраненным. Возможно, что этот сон с перерезанием катаной верёвки, с помощью которой она должна была переправиться на другой берег, означал, что он больше не хочет иметь с ней ничего общего.

- Тору... пожалуйста, не молчи... кричи на меня, но только прошу, не молчи... - тихо прошептала она, зажмурившись и закашлявшись.

Он не молчал. Он и не кричал, просто в какой-то момент говорил на повышенных тонах. Это было неважно, как и то, что именно он говорил. Она не воспринимала всё сказанное, ей сейчас было главное, что он не ушёл от неё. Он смотрел на неё и говорил. В какой-то момент он отстранился от неё, и она испуганно посмотрела на него. Сильно болела голова, было страшно, а ещё было очень холодно. Она задрожала. Тору её обнял, но от этого теплее не стало, хотя обнял он её очень крепко и всё равно с какой-то любовью.

- Прости меня, прошу. Я... - она вырвалась из его объятий и, почувствовав, что стоять больше не может, села на ступеньку. Обняла колени руками. - Зачем нам чувства, если... если все пользуются этим? Неужели это всё действительно глупость, наивность? Почему я вообще поехала в этот монастырь? Ведь... ведь до него я... у меня никогда до этого монастыря не было таких чувств. Я... не знаю, Тору, что это... я... не могу без тебя, я не хочу снова возвращаться к тому, что было до этого монастыря. Тору... мне снилось, что я плыву по мутной реке в тумане. И ты стоишь на другом берегу. Я читала, что это к плохим событиям в жизни. Размолвке, смерти, крупной ссоре... Что мне делать, любимый? Ты... прости меня, я... да, я глупая мелкая девчонка, которая хочет сделать мир лучше и чище. Помоги мне... пожалуйста, я не хочу жить... без тебя...

Она закрыла лицо руками и заплакала. Эти её бормотания были похожи на бред, ведь у неё была высокая температура, её сильно трясло от холода, а холодный липкий пот смешивался со слезами. Было страшно и больно. Болело горло, и голос казался хриплым. Воспалённый мозг не воспринимал реальность, ей вообще казалось, что всё это кошмарный сон. Страшный реалистичный кошмар. Как же она хотела, чтобы это всё закончилось, и после этого наступила белая полоса. Хотела... но это вряд ли будет. Во всех фильмах, книгах, что она смотрела, за такое не прощают. Это как измена... а реальность ещё хуже, чем всякие любовные романы. Через какое-то время она успокоилась, тихо всхлипывала и, снова обняв руками колени и дрожа от холода, некоторое время смотрела на покрытую льдом поверхность реки.

- Я... хочу домой... к папе... - тихо, одними губами, прошептала она, боясь посмотреть на него...

Тору Мотидзуки

По тому, как Яреци вырвалась из его объятий, села на ступеньку и начала говорить что-то плохо связанное, Тору понял, что смысл его слов так и не дошел до ее сознания. Что было немного обидно, поскольку он нечасто позволял себе высказывать столь откровенные вещи, а не держать их при себе. Но сейчас его больше волновало не это, а ужасное физическое и моральное состояние девушки, не позволяющее ей вести нормальный разговор и заставляющее снова и снова просить прощение.

Тору опустился рядом и коснулся рукой ее лба. Как он и предполагал, у Яреци был сильный жар, только усугубляющий и без того неприятную ситуацию и, видимо, нашептывающий большую часть из произносимого ею полубреда. При таком раскладе позволять девушке и дальше рассиживаться на холодной ступеньке Тору не стал, поднявшись сам и потянув ее следом. Сейчас Яреци больше напоминала не живого человека, а непонятную болтающуюся в его руках субстанцию, способность к самостоятельному перемещению которой вызвала серьезные сомнения. Подхватив девушку на руки и порадовавшись, что, при всех прочих, она достаточно легкая, чтобы ее таскать, Тору переместился туда, где были шансы поймать такси.

К счастью, ему повезло. Их странная парочка быстро привлекла внимание, и хоть таксист, пользуясь отсутствием его знаний языка, заломил двойную, если не тройную цену, он разобрал названный адрес и вроде как даже повез их в правильном направлении. С того момента, как Яреци села на ступеньку, Тору не произнес ни одного слова, хотя и слышал все, что было сказано в его адрес. Он не знал, как комментировать вырывающийся из нее поток плохо осознаваемых мыслей и чувств и не был уверен, что хотя бы на этот раз его услышат и поймут. Он предпочел не говорить, а сразу делать, решив не отказывать девушке в ее пусть так нормально и не высказанной просьбе, и отвезти ее к отцу. Моррис, несмотря на их не самую удачную первую встречу, произвел на него впечатление достаточно адекватного человека, так что Тору сомневался, что тот будет мучить дочь, когда она находится в столь плачевном состоянии. Ну а он сам в любом случае будет рядом, чтобы это проконтролировать.

На заднем сиденье Тору уселся с самого края, чтобы оставить Яреци больше места, давая ей возможность находиться в полулежащем положении и, при этом, опираться на него самого. Он все еще молчал, но, чтобы хоть как-то достучаться до сознания девушки и ее успокоить, вытащил находящийся под одеждой кулон, который она ему подарила, показывая, что все это время его не снимал. Ведь как бы он не был обижен и как бы не злился на ее глупое поведение, Тору никогда не собирался отказываться от того, что появилось в его жизни, после вторжения в нее маленького стихийного бедствия по имени Яреци.

Яреци Фернандез

Тору молчал. Ей в какой-то момент показалось, что он вообще ушел, решив не общаться больше с этой психованной истеричкой, коей являлась она сама. Это всё получилось очень глупо, и потом, когда всё это закончится, она будет чувствовать

свою вину перед ним. Она поступила неправильно, она всегда поступает неправильно, предпочитая убежать от проблем, нежели попытаться с ними справиться.

Слёзы прекратились, истерика тоже закончилась, оставив после себя чувство опустошения и желание поспать. Она находилась в каком-то полумраке, и ей казалось, что что-то должно произойти. Тору встал, хотя она и не заметила, что он сидел рядом с ней. Взял её за руку, приглашая встать, а потом и вовсе взял на руки. Она хотела обхватить его шею руками, положить голову на его плечо, зарыться носом в шею, но не стала этого делать, просто прикрыв глаза. Ей казалось, что он сердится. В принципе, иначе не может быть - он сердился на неё. Если бы она не убегала постоянно, то она бы сама сердилась на себя. На свою доверчивость. На свой идиотизм.

Они сели в такси, и девушка услышала адрес. Она не стала переводить, услышав, как навигатор сказал, куда надо ехать. Пока они сидели в тёплом салоне, Яреци старалась не особо громко всхлипывать и ловить то и дело уплывающее сознание. Она увидела, как Тору показал ей этот амулет, и тоже достала свой. Стало ужасно от осознания того, что несколько часов назад она хотела его выкинуть. Снова на глаза навернулись слёзы, и она зажмурилась. Хотелось спать, и, только она стала засыпать, машина остановилась. Тору расплатился с таксистом, и они вышли из салона. Ей было тяжело идти, каждый шаг давался спазмами в голове, но она зашла в подъезд. Она не хотела обременять своего любимого, считая, что и без того играет с огнём, выводя его из себя каждым своим словом и действием. Она нажала на звонок и сжала голову руками, этот звук показался ей слишком резким и громким.

Моррис Фернандес

После отправки сообщения прошло полчаса. Моррис сильно нервничал, где-то в глубине души боясь, что сообщение так и не дошло до мсье Мотидзуки. Он бы сам отправился на поиски дочери, но боялся, что этот щенок убежит. С ним Моррис не желал больше иметь ничего общего. Он услышал стоны, доносящиеся из комнаты, и подошёл к Маркусу. Тот лежал, свернувшись в калачик, вызывал жалкое зрелище, и Моррис с трудом сдержался, чтобы его не убить. Вместо этого он взял телефон и, сев за стол, позвонил своему другу.

- Гильермо, прости, что отвлекаю... нет, не пью... ты можешь утром отвезти мелкого гадёныша в аэропорт и полететь с ним в Мадрид? Я предупрежу жену, билеты сейчас куплю. Проследи, чтобы он не сбежал... спасибо... с меня должок, дружище.

Отключив телефон, мужчина заказал билеты и стал писать сообщение жене. Несколько раз перечитывал, стирал и снова набирал текст.

Любимая Лауритта, завтра утром в Мадрид приедут Гильермо и твой племянник. Позаботься о том, чтобы этот щенок навсегда исчез из жизни моей семьи, особенно из жизни нашей дочери. Передай своему брату, которого, как ты знаешь, я ценю и уважаю, чтобы внимательнее следил за своим сыном. Пусть отдаст его куда-нибудь, где нужна дисциплина. А то я за себя не отвечаю. И прошу тебя, не спрашивай меня ни о чём. Хотя бы дня два. Целую.

Перечитав последний вариант текста, он отправил сообщение и услышал слабый звонок в дверь. Незамедлительно отправился открывать. На пороге стояли Тору и Яреци. Дочь выглядела ужасно, и он взял её под руку. Она почти сразу обмякла, потеряв сознание, и он, взяв её на руки, посмотрел на Тору и кивком головы пригласил его войти. Понёс дочь в комнату, уложил на кровать и, сняв обувь и куртку, укрыл одеялом и поцеловал в лоб. Вернулся к гостю и протянул руку. Дождавшись ответного жеста, притянул его к себе, обнял и похлопал по спине.

- Спасибо вам, мсье Мотидзуки. Я очень ценю ваше участие. Я не знаю всего, что произошло, но мне показалось, что брат её обманул. Насколько я знаю, он решил присвоить мои деньги себе... - Он вздохнул и пригласил гостя на кухню. - Не хотите чаю?

Тору Мотидзуки

Пока они ехали в такси, Яреци то негромко всхлипывала, то пыталась впасть в бессознательное состояние. Но на появление перед глазами его кулона все же среагировала, достав свой, что успокаивало и давало надежду на ее скорый возврат из мира бессвязных полубредовых мыслей и образов в реальность. Тору несколько раз хотел ее обнять, но, в последний момент, его что-то останавливало. Осадок после всего произошедшего так до конца и не исчез, но он решил лишний раз не думать на эту тему, пока не решит насущные проблемы, связанные со здоровьем девушки и ее отношениями с родными.

Машина плавно остановилась у подъезда и, пока он расплачивался с таксистом, Яреци выразила желание идти самостоятельно. Тору не стал ей противоречить, но держался на таком расстоянии, чтобы иметь возможность в любой момент ее подхватить, если ей станет совсем нехорошо. К счастью, дорога до двери не заняла много времени и, буквально через несколько минут, перед ними появился Моррис Фернандез, взволнованный и совсем непохожий на уверенного в себе мужчину с горящими гневом глазами и холодным голосом, каким он запомнился Тору после их первой встречи. Оказавшись дома, Яри тут же отключилась, но на этот раз рядом с ней был отец, взявший на себя заботы о своей любящей попадать во всякие неприятности дочери.

Пока Моррис укладывал девушку, Тору снял куртку, разулся и принялся ждать возвращения хозяина. У них имелись темы, которые стоило обсудить не откладывая на неопределенный срок, и он не собирался уходить, пока этого не сделает. Реакция отца Яри, не просто пожавшего ему руку, после своего возвращения, но и обнявшего и похлопавшего его по спине, Тору немного удивила, но он списал ее на следствие переживаний за благополучие дочери. На предложение выпить чаю Мотидзуки коротко кивнул, посчитав что это может придать их беседе более спокойный оттенок. Но для начала он хотел разобраться с еще одним волнующим его моментом.

- Вам не стоит меня благодарить, ведь я, в конце концов, в этой ситуации - одно из главных заинтересованных лиц. Из слов Яреци я практически ничего не понял, но склонен с вами согласиться, что брат, скорее всего, задурил ей голову и попытался благодаря ее помощи добраться до ваших денег. Кроме того, я заметил, что она

сейчас больна. Понимаете, - Тору ненадолго замялся, не зная, как Моррис отнесется к информации об их ссоре, - мы не виделись с ней несколько дней, и я не мог проконтролировать происходящее. За что прошу вашего прощения. Но сейчас важно не это, а то, чтобы она скорее поправилась. У вас есть какие-нибудь жаропонижающие средства?

Сейчас Тору очень жалел, что никогда не пытался разобраться в странном искусстве врачевания, практикуемом большим количеством обитателей монастыря. Насколько бы ему было сейчас проще, знай он, что с Яреци просто спит крепким здоровым сном, а не мучается от высокой температуры.

Моррис Фернандез

Гость согласился выпить чаю, и мужчина подогрел чайник, заварил чай и поставил на стол две кружки. Разлив чай, он сел напротив мужчины и нахмурился, слушая короткий и, как ему показалось, в некоторых местах неуверенный рассказ мсье Мотидзуки. Судя по всему, он был прав в своих догадках, что его дочка заболела, когда она появилась в его комнате. Почему он тогда не захотел ее сразу остановить? Почему позволил всему этому случиться?

- Пусть она поспит, а потом разберемся и с ее болезнью, и с жаропонижающими препаратами, - устало произнес мужчина, подавив в себе зевок и печально усмехнувшись. Возраст брал свое, и теперь он не мог уже вот так просто летать, потом ночами не спать, а утром идти на работу. Это лет в сорок он мог взять дочь и жену, сесть в первый попавшийся самолет, полететь куда-то на день-два, а потом уйти на работу. Сейчас все эти перелеты выматывали. Ну вот не мог он оставаться на одном месте долгое время. Было скучно.

- Мсье Мотидзуки, я не виню вас, что вы некоторое время не могли следить за моей непутевой дочерью... - он задумался. Слова давались ему с трудом. Он отпил немного чая. - Она должна научиться сама отвечать за свои поступки... но она очень сильно похожа на свою мать. Лауритта тоже любила попадать в разные передраги, и мне приходилось ее вытаскивать.

Впрочем, это к теме разговора никак не относилось, и мужчина, коротко извинившись, вышел из кухни и вернулся через несколько минут с сигаретами. Этот мелкий щенок все еще притворялся, что он без сознания, но пока у Морриса не было никакого желания разбираться с ним. В пять утра заедет Гильермо, и он, Моррис, больше никогда не увидит этого щенка. Он вернулся за стол и вытащил из пачки сигарету.

- Я закурю, не возражаете? - спросил он и чиркнул колесиком. Усмехнулся, представив, что скажет Яреци на это. - Этот щенок каким-то образом узнал, что отец лишил его наследства.

Больше он не знал, что говорить. И подумал, что зря предложил гостю выпить чай, а не виски. А может и не зря...

Тору Мотидзуки

Тору не стал спорить с Моррисом и немедленно будить Яреци, раз, по его словам,

девушка находилась не в бессознательном состоянии, а спала, но пообещал себе попросить отслеживать ее состояние не реже чем раз в полчаса. Если его Яри и в здоровом состоянии умудрялась отчудить что-то, что вызывало желание то ли плакать, то ли смеяться, то было неизвестно, чего ждать от ее разбитого болезнью организма.

Услышав, что мать Яреци в своем способности попадать в различного рода неприятности, Тору посмотрел на Морриса с уважением и некоторой долей сочувствия. Сам он не знал, как уследить за одной женщиной, а тому приходилось присматривать сразу за двумя. И учитывая, что они, со своими способностями, были до сих пор живы и относительно здоровы, глава этой беспокойной семьи справлялся со своими обязанностями вполне успешно.

Пока отец Яреци выходил Тору, наконец, поднял кружку с остывающим чаем и сделал большой глоток. Вкус напитка он так и не смог разобрать, но это практически ритуальное действие заставило его успокоиться и задуматься о своих дальнейших действиях. Судя по всему, Яри на несколько дней оставалась в родительском доме, и он не знал, стоит ли ему ее забирать, когда ей станет лучше или ждать, пока девушка созреет до того, чтобы вернуться самой. Да и пока было совсем неясно, как ко всем этим перемещениям отнесется Моррис, который хоть и встретил его намного приветливее, чем в первый раз, все равно, наверняка, неожиданно не вспыхнул любовью к его персоне.

- Нет. Курите. - Возвращение хозяина дома отвлекло Тору от его размышлений и заставило, больше не откладывая на более подходящее время, поднять в разговоре несколько беспокоящих его тем. Тем более, что информация о лишении непутевого брата наследства могла стать подходящим началом для разговора.

- Это многое объясняет. - Тору покачал головой. - Но каким же гадом, извиняюсь за выражение, нужно быть, чтобы так использовать свою сестру? Яреци - очень хороший, светлый, искренний, но... - он ненадолго замолчал подбирая правильное и не слишком резкое слово, - наивный человек. И, что самое печально, пропускающий мимо ушей практически все, что касается необходимости быть осторожнее с другими людьми и следить за своими словами и действиями.

Тору не стал говорить об их ссоре, но по его тону, за которым он на этот раз не следил, позволяя себе проявлять некоторую эмоциональность, и так было понятно, что эта тема как-то негативно сказалась на их отношениях.

- Фернандез-сан, - Тору, показывая свою открытость, обратился к отцу Яреци так, как ему казалось правильным, хотя, из-за отсутствия необходимости, уже давно не использовал в своей не связанной с тренировочной деятельностью речи традиционные японские формы обращения. - Я понимаю, что не нравлюсь вам. Будь я на вашем месте, сам бы себе не нравился, но, полагаю, с учетом последних событий, нам стоит постараться договориться по ряду вопросов. Яреци, хоть отчасти виновата в этом сама, сейчас находится не в том состоянии, чтобы усугублять его нашим бессмысленным противоборством.

Своими словами Тору надеялся объяснить Моррису необходимость временного перемирия, хоть в тайне и мечтал, в случае своего успеха, растянуть это перемирие

на как можно более долгий срок.

Моррис Фернандез

Дым от сигареты поднимался к потолку, разнося по кухне этот противный запах жженного табака и всяких примесей. Мужчина снова криво усмехнулся, представив как Яреци будет ворчать по поводу его пагубной привычки. Но это будет когда-нибудь потом. Он вздохнул, когда мсье Мотидзуки уцепился за его слова о мальчишке.

- К сожалению, это отчасти моя вина. Я был занят на работе и не всегда мог контролировать ситуацию. Моя Лаура очень любит своего племянника, я только недавно узнал о том, что этот гаденыш жил у нас дома, пока Яреци жила в Китае. Лаура всегда старалась поддерживать своего старшего брата, а узнав о том, что он остался без жены с ребенком на руках, иногда помогала ему. Мальчишка рос без матери, а его отец постоянно был на работе. С одной стороны я не могу винить своего племянника, но... - мужчина снова затянулся и затушил сигарету. - Он никогда ничем не занимался, прожигал деньги своего отца, а потом тот просто решил его вычеркнуть из завещания... Я не знаю, каким образом он узнал об этом, но вот тогда он попросил у своей тёти помощи.

Мужчина закрыл глаза и сжал руку в кулак. Каким же он был идиотом! Он ведь тоже знал, что этого щенка лишили наследства. И он позволил этому щенку жить у себя дома...

Чтобы как-то подавить в себе стон отчаяния, ведь мужчинам нельзя показывать свою слабость и страхи, он отпил немного чая. Где-то в груди обожгло, и он тяжело вздохнул. Но ничего, он видит этого мелкого щенка последние часы, а потом посадит его в машину, а Гильермо увезёт в Испанию. И всё, больше он никогда не желает видеть эту смазливую рожу.

Ещё Моррис заметил, что голос у мужчины дрожал от негодования, когда он говорил о Яри. Судя по всему, они могли поссориться, и Яреци вернулась домой. Вероятно, они поссорились не просто так. И, кажется, Моррис стал догадываться, кто стал причиной ссоры его дочери с этим мсье.

- Мсье Мотидзуки, - Моррис старался вернуть своему тону привычную холодность, придать тону немного официальности, как будто он проводит собеседование, стараясь не делать его отталкивающим, - не стану скрывать, что вы мне не особо понравились. Я не могу объяснить, чем именно. Это как, скажем, учителю не нравится ученик. Вот вроде и учит всё, и рассказывает, а вот есть что-то отталкивающее, - Моррис постарался быть предельно откровенным с избранником своей дочери. - Прошу, не принимайте это близко к сердцу. И я надеюсь, вы примете мои извинения за ту ситуацию, когда дочь решила нас познакомить.

Он посмотрел на Тору слегка прищуренно, но через мгновение на губах появилась слабая улыбка.

Тору Мотидзуки

Хоть Тору и не курил со времен студенчества, когда позволял себе изредка

покрасоваться с сигаретой, ничего против табачного дыма он не имел. Так что никак не стал комментировать поведение отца Яреци, решившего поддаться силе вредной привычке прямо у себя на кухне. Моррис являлся хозяином этого дома, так что мог позволить себе практически что угодно, если это не приносило ощутимого вреда другим. Так что Тору просто допивал свой чай и слушал о имеющихся в семье Яреци проблемах.

Рассказ Морриса Фернандеза прояснил для него две вещи. Во-первых, ему, несмотря на печальную историю об отсутствии должного воспитания, было совсем не жалко мелкого гаденыша, изрядно попортившего нервы окружающим. А во-вторых, в своей любви привечать всех несчастных и заблудших, Яреци, вероятно, была точной копией своей матери. Что стало причиной очередного полного уважения взгляда, брошенного на Морриса, которому удавалось как-то выживать среди не в меру сердобольных женщин. Оставалось радоваться, что ему что-то подобное не грозило, поскольку в его семье традиционно рождались мальчики, так что если когда-нибудь в далеком будущем ему еще и суждено было стать отцом, то на появление дочери можно было практически не рассчитывать.

- Не стоит извиняться, - криво усмехнулся Тору, выслушав комментарии отца Яри к своим словам. Я вас прекрасно понимаю. Раз уж мы решили быть откровенными, я подскажу. Полагаю, вас отталкивает мой возраст, национальность, сомнительное вероисповедание. Да что уж там, я совсем не похож на мужчину, которого отец хотел бы видеть рядом со своей дочерью. Но получилось так, как оно получилось. И поскольку мы уже увязли во всем этом по уши, сомневаюсь, что мое исчезновение из жизни Яреци сможет как-то решить имеющуюся проблему.

Тору прервал странный шорох, раздавшийся чуть дальше по коридору, и он вопросительно посмотрел на Морриса.

- Полагаю, стоит проверить все ли в порядке с Яреци.

Сам он не чувствовал себя в праве хозяйничать в чужом доме, так что ожидал соответствующих действий от отца Яри или его разрешения войти в комнату девушки.

Маркус Агирре

Голова сильно раскалывалась, во рту чувствовался вкус крови, а душе разыгралась целая буря эмоций. Он был в ярости. Он даже подумать не мог, что этот повар-кондитер умеет держать такой удар. Что же он там делал на своей кухне, что у него, Маркуса, до сих пор узор на обоях двоится? Или он вовсе не повар-кондитер? Это бы объясняло наличие бабла в сейфе. Ну не может простой повар столько заработать.

Чёрт. Надо было сразу брать бабло и валить. А он пожалел эту идиотку. Ей надо было просто дать по мордасам, чтобы знала своё место, забрать деньги и свалить. Или понарасказывать ей всяких страшных историй про их прабабку, которой уже нужно быть лет десять как в могиле, и про её папашу, который... ну не может кондитер зарабатывать столько денег!

Он лежал тихо, делал вид, что находится в бессознательном состоянии, и ждал своего часа. Он слышал звонок в дверь и по голосам понял, что это пришли сестра и этот её япощка. Потом, судя по шагам, папашка отнёс эту безмозглую курицу в комнату, пригласил на чай гостя. Потом вошёл в комнату, и Маркус сделал вид, что всё ещё без сознания. На кухне начались разговоры, он не вслушивался. Тихо встал с кровати. Скрип был слишком громким. Вот что за люди! Бабла много, а кровать нормальную, которая не скрипит, нельзя купить! Ну ничего, пусть он сейчас потерпит поражение, но он вернётся. И заберёт бабло.

И если надо, то убьёт!

Он тихо вышел из комнаты, подошёл к входной двери и стал тихо её открывать.

Яреци Фернандез

Маленькая лодочка, в которой сидт она, медленно плывёт поперёк течения, подталкиваемая верёвкой, которая постепенно, плавно и осторожно, тянет её на другой берег сквозь туман. В руке её зажат амулет в виде половинки сердечка. Острые края разорванного сердца причиняют сильную боль. Болят, кажется, не только руки, но и голова, горло, ломит кости. Плотная туманность мешает дышать, воздух вырывается со свистом, в нём слышатся крики, чувствуются слёзы. И в этих криках слышится только одно имя. Всё остальное не разобрать, но это имя слышится отчётливо. И это заставляет её вздрагивать и сильнее сжимать амулет. По руке течёт кровь, вязкой массой скапливаясь на локте и капая на дно лодки. Вскоре дно всё залито кровью. Крики становятся невыносимыми, а имя начинает пропадать за этими криками.

- Тору! - Крикнула девушка и не узнала свой голос. Он был хриплый.

Туман никак не рассеивался. Видно ничего не было, как бы она ни вглядывалась в него. Она привстала, чтобы было лучше видно, и лодка покачнулась, заставив её упасть обратно. Она увидела, что река стала кровавой. Пошёл дождь, и она с ужасом поняла, что на неё капает кровь. Она закричала, но крик застрял в горле.

Что-то заставило её разжать кулак и с ужасом посмотреть на амулет. Никакого амулета в виде половинки сердца не было. Это был крохотный тессен с надписью. Что-то про сердце. Она вздрогнула и хотела выкинуть его, но в последнюю секунду остановилась. Тессен был подарком Тору. Она не могла выбросить его подарок, так же как и не могла отдать ему обратно его сердце. Эта фраза, произнесённая когда-то где-то в холодном месте, всплыла в памяти и появилась перед глазами в виде иероглифов. Она зажмурилась.

- Тору... я люблю тебя... - прошептала она.

- Открой глаза. Я здесь... - услышала она его голос. Открыла глаза. Туман рассеялся, а лодка причалила к пристани. Тору протянул ей руку, помогая выбраться

из лодки. А потом её обнял. Она добралась до другого берега...

Девушка открыла глаза. Перед ними всё плыло, но вскоре она увидела слабые очертания потолка с плывущим по нему свету фар от машины. Движение остановилось, но свет не погас. Она села на кровати и поморщилась от сильной неприятной головной боли. Она плохо помнила, что произошло, но мозг отчётливо посылал воспоминания двух половин сердца. Тору ей показывал свой амулет.

Тору... она сильно вздрогнула и сжала голову руками, чтобы как-то избавиться от приступа головной боли. В воспоминаниях не было ничего хорошего. Маркус украл у её папы деньги. Потом она уткнулась в грудь Тору, за чем последовала жуткая истерика, оставившая на душе неприятный след. Но более неприятный след оставило осознание, что она бросила Тору. Бросила любимого человека, чтобы помочь брату, которого не знала...

Скрип кровати заставил её мотнуть головой и встать с кровати. Наверное, это было необдуманное действие. так как из-за слабости она чуть не рухнула обратно. Но удержавшись на ногах, она тихо вышла из комнаты. В коридоре стоял Маркус. Но её внимание в первую очередь привлекли ботинки любимого.

- Тору... ты здесь... ты пришёл спасти меня... - прошептали её губы, и она посмотрела на брата. Тот, кажется, решил свалить. Она подошла близко к нему.

- Ублюдок! - Прошипела она, вспомнив всё, что он делал. Как он пользовался её состоянием. - Я ненавижу тебя! Ты ничтожество! Мой папа помогал тебе, а ты решил ему отплатить тем, что украл его деньги?! Я ненавижу тебя, ублюдок!

Голос был хриплый, каждое слово давалось с трудом, отдаваясь болью где-то в области лёгких. Она закашлялась, прислонив ладонь к груди - кашлять было больно. Когда спазм прошёл, она взяла с тумбочки первую попавшуюся вещь - кожаный ремень (и как он там оказался?) и резко махнула им. Ремень оставил след на щеке парнишки. После этого она потеряла равновесие, упала на колени и закашлялась...

Моррис Фернандез

Считается, что курение успокаивает. Но сейчас Моррис не почувствовал никакого успокоения. Разговор не клеился, на кухне снова появилась напряжённая атмосфера. И мужчина не знал, как спасти положение. Подсказка мсье Мотидзуки, прозвучавшая слишком резко и показавшаяся насмешкой, его не устроила. Он действительно не знал, что в этом человеке ему так не понравилось. Вероисповедание? Вряд ли. К этому он относился спокойно. Национальность? Тоже сомнительно. Мир меняется, сейчас уже всё совсем по-другому. Может быть поэтому индейские деревни в его стране потихоньку исчезают? Приезжают белые, меняют образ жизни и привычный уклад коренных жителей, и всё становится по-другому. Что ещё? Возраст? Ну да, с этим не поспоришь. Но ему казалось, что только мсье Мотидзуки может что-то вбить в голову Яреци. Не то, чтобы он не смог что-то объяснить, но дочке нужен человек, который будет не только рядом, но и научит бороться за себя и свою семью. Это для Морриса было чуть ли не самым важным.

От рассуждений его отвлёк сначала какой-то шорох, потом впоросительный голос гостя, и Моррис коротко кивнул. Встал из-за стола, приглашая Тору следовать за ним, и вышел в коридор. Увиденное ему не понравилось. Дочь сидела на коленях и задыхалась от кашля, а этот щенок, который, кажется, хотел сбежать и был остановлен ударом ремня, вжался в угол и затравленным взглядом смотрел на них. По щеке текла тонкая струйка крови.

- Я тебя убью, подонок! - Прошипел мужчина. - Тору, уведите, пожалуйста, Яреци в комнату. И побудьте с ней немного, пока я поговорю со своим племянником.

Он не сразу заметил, что к гостю обратился по имени. Могло ли это означать, что он принял Тору в свою семью? Он не мог ответить на вопрос. Время покажет. Но пока надо разлобраться с этим щенком. Гильермо должен приехать через двадцать минут...

Тору Мотидзуки

Пока они поднимались и двигались в сторону коридора, Тору показалось, что он услышал голос Яреци, последовавший за ним звук удара и кашель... Последний был настолько отчетливым, что сомневаться не приходилось - он не страдал слуховыми галлюцинациями, что подтвердила картина сидящей на коленях Яри и кашляющей так надрывно, что глядя на ее мучения, у него сжималось сердце. На пытающегося сбежать мальчишку он даже не посмотрел, сразу опустившись рядом с девушкой и пытаясь помочь ей прокашляться. Конечно, он хотел от души врезать наглому гаденышу, но считал, что бить того, кто намного слабее тебя - недостойное занятие. Ну а в том, что касалось словесных внушений, здесь можно было полностью положиться на Морриса, который, судя по его виду, горел желанием объяснить племяннику в чем тот был не прав.

Неожиданное обращение по имени заставило Тору вздрогнуть и повернуть в голову в сторону отца Яреци, проверяя все ли с ним в порядке. Но тот был слишком занят семейными разборками, так что Мотидзуки, коротко кивнув на его просьбу, поднялся и подхватил девушку, чей кашель постепенно заканчивался, на руки. Похоже перетаскивание своей женщины с места на место постепенно становилось чем-то вроде регулярной физической нагрузки.

Дверь в комнату Яреци Тору уже видел раньше, а сейчас ему, наконец, удалось заглянуть внутрь. Сильно разглядывать обстановку он не стал, определив местонахождение кровати и сразу отправившись к ней.

- Ну вот что ты все бегаешь, раз плохо себя чувствуешь? - Тору аккуратно уложил девушку обратно и укрыл ее одеялом. - Хоть гирю к ноге привязывай, чтобы не могла далеко убежать. А то потом ищи тебя по всему городу, седей раньше времени.

Ворчание Тору сопровождалось поиском чего-то напоминающего лекарства, которые могли находиться неподалеку, раз девушка болела уже не первый день. И они, к его радости, обнаружились на письменном столе вместе с градусником, немедленно пущенным в дело.

- На вот, меряй температуру. - Тору протянул градусник Яреци, а сам принялся изучать надписи на коробочках, пытаюсь определить, что здесь от чего, и в очередной раз проклиная незнание русского языка, постоянно доставляющее ему массу неудобств.

Моррис Фернандез

Краем глаза он заметил, что Тору взял его дочь на руки и ушёл в комнату. Возможно, в другой ситуации он бы придал этому значение, но сейчас во-первых, был занят мальчишкой, а во-вторых, не было оснований не верить этому человеку. Ведь все здесь были взрослыми людьми и все прекрасно понимали, что означает, когда мужчина несёт девушку в комнату. Если бы не было всё так печально с его дочерью, возможно, он бы обратил на это внимания. Он ведь сказал "уведите", а "отнести" - это несколько другое. Впрочем...

Когда он остался один на один с племянником, он посмотрел на часы. До приезда Гильермо оставалось минут двадцать. Это время можно потратить на бесполезные разговоры с этим щенком, можно его просто избить, а можно прогнать. Бить не хотелось, не заслуживало это белобрысое чудо ударов. Не хотелось об это ничтожество пачкать руки. Моррис взял ремень и тоже махнул им. Маркус успел прикрыть лицо руками, и удар пришёлся на руку.

- Убирайся из моего дома, - прошипел Фернандез и подошёл к нему. Ударил кулаком в солнечное сплетение и, когда тот согнулся и застонал, заломил ему руку за спину и вывел из квартиры. Спустился вместе с ним по лестнице. - Благодарю свою сестру, что я тебя не убил, ничтожество! В следующий раз тебе повезёт меньше!

Машина Гильермо стояла у подъезда, и мужчина выглядел недовольным. Он пожал Моррису руку, усадил Маркуса на заднее сиденье машины. Моррис знал, что Маркус теперь в надёжных руках, что Гильермо проследит за ним и не потеряет контроль над ситуацией. Поэтому, проведив машину, он вернулся домой и, решив зайти в комнату дочери, остановился в нерешительности около двери. Покачал головой и направился на кухню. Стал допивать свой чай, думая, что же теперь делать дальше. Разговор с мсье Мотидзуки должен продолжиться, но он совершенно не знал, какую выбрать тактику поведения. И это случайно брошенное обращение к нему по имени тоже не давало покоя. А ведь Мотидзуки даже вздрогнул на это.

Яреци Фернандез

Яреци вздрогнула на слова папы, обращённые к брату. Он, конечно, был подонком, но... он заслуживал смерти, но ей казалось, что это она должна была его убить. И могла бы. Если бы состояние позволяло. А так сознание снова стало как-то рассеиваться, и она даже не обратила внимания на оговорку папы, когда он обратился к Тору. Тору взял её на руки и отнёс в комнату. Уложил на кровать и укрыл одеялом.

Слушая его недовольное ворчание, она слегка улыбнулась и посмотрела на него. В темноте было не особо видно, насколько сильно он был недоволен всей этой ситуацией, и она взяла градусник. Глубоко вздохнула.

- Но если ты мне к ноге привяжешь гирю, то я буду похожа на каторжника, а я не

хочу быть похожей на каторжника... я сейчас просто хотела попить воды... а тут этот стоял... - ответила она, улыбнувшись. Потом снова закашлялась. Присела на кровати и посмотрела, что Тору делает. На столе стояли лекарства. - Вот это, в пакетиках, жаропонижающее, а там таблетки от боли в горле. Но я думаю, что мне нужно будет что-то другое. Я попрошу папу завтра врача вызвать...

Говорить было больно. И дышать было больно. И кости ломило. И было холодно. Она хотела попросить Тору, чтобы он достал плед из шкафа, но думала, что она и без того доставляет неудобства. Она чувствовала свою вину перед ним, но пока боялась говорить с ним...

- Спасибо тебе, Тору, что спас меня... - тихо прошептала она одними губами, вытаскивая градусник и протягивая его мужчине.

Тору Мотидзуки

- Каторжником она не хочет быть... - Тору бросил на девушку недовольный взгляд. - А как по-твоему еще поступать с беглецами? - Сам того не желая, Тору коснулся достаточно скользкой темы, обсуждение которой хотел отложить на неопределенный срок, так что резко прервал себя и вернулся к изучению коробочек с лекарствами, хотя благодаря словам Яреци уже прекрасно понял, что и для чего используется.

- Ну а что мне еще было делать? Не бросать же тебя одну и потом ждать, в какие еще неприятности ты умудришься попасть?

На протянутом ему градуснике красовались безрадостные цифры 38 и 9, говорящие о том, что за неимением лучшего, пакетики с жаропонижающим средством придется пустить в ход. Предупредив Яреци, что скоро подойдет, Тору вытащил один из пакетиков и снова отправился на кухню, где расположился после выпроваживания непутевого племянника Моррис. Пока закипал заново поставленный чайник, Мотидзуки быстро обрисовал ему ситуацию с состоянием Яреци и извинился, что в данный момент не может продолжить их разговор. Здоровье девушки волновало его больше, чем необходимость налаживать отношения с ее отцом, так что приготовив лекарство к употреблению, Тору вежливо поклонился хозяину дома и вернулся в комнату Яри.

- На вот, выпей. - Тору сначала протянул ей горячую кружку, но, представив, как девушка ее неудачно схватит, обожжется и выльет содержимое на себя, передумал. Он пододвинул стоявший ранее у письменного стола стул к ее кровати, сел на него, помог Яреци приподняться и только после этого сам поднес кружку к ее губам. Может Тору немного и перебарщивал, стараясь уберечь свое непутевое чудо от всех существующих и несуществующих опасностей, но за эту ночь, да и за предшествующие ей дни, он уже успел изрядно вымотаться, и еще один даже самый незначительный инцидент мог стать для него последней каплей.

Яреци Фернандез

Пока Тору не было, она лежала с закрытыми глазами и боролась со сном. Теперь была просто слабость, вызванная высокой температурой, и головная боль. Противная, утомляющая. Яреци вспоминала весь тот ужас, творившийся на

набережной, и все, что предшествовало этому. И пощечину, которую она дала Тору. Она не должна была просто так уходить от него. Он был прав, чертовски прав, когда сказал, что ей необходимо повзрослеть и перестать быть наивным ребенком. А взросление заключается еще и в поиске компромиссов во время ссор. Мама рассказывала. И папа как-то тоже рассказывал. У них с мамой небольшая разница в возрасте, но встретились они и поженились, когда им было далеко за тридцать. Каждый из них к этому времени чего-то добился, у них была своя история, полная приключений, которую можно часами слушать и которая никогда не надоест. Венчание в церкви, любовь, которая с годами не прошла, а, наоборот, стала сильнее.

А что есть у нее? Незатишающие истерики последнего времени, страх, слезы, желание убежать от проблем. Она по уши погрязла в этом болоте, определение которому она так и не смогла дать, и из которого она никак не смогла выбраться. Она любила Тору, понимала, что не сможет без него жить, но сейчас приходило осознание, что все на свете имеет срок терпения. Тору ведь когда-нибудь это может надоест, и он уйдет от нее. Он и без того делает слишком много... вон на набережную побежал ночью её искать. А ведь она была уверена, боялась, что он постепенно начинает забывать ее.

Ее мысли были прерваны появлением Тору. Скрип ножек стула о ламинат заставил ее зажмуриться, он показался слишком сильным и резким, казалось, что от него голова расколется. Мужчина помог ей присесть и поднёс к губам кружку с этим противным напитком с лимонным вкусом. Пришлось сделать несколько глотков. Глотать было больно, и она снова опустилась на подушку.

- Спасибо тебе, Тору. Я была настоящей дурой и я знаю, что мне нет прощения. Я и не жду, что ты меня простишь. Просто... спасибо тебе, любимый... - тихо прошептала она. Говорить было тяжело. - Мне надо эту гадость всю выпить? Я не хочу, она невкусная...

Моррис Фернандес

Какое-то время на кухне было тихо, а потом вошел мсье Мотидзуки с пакетиком лекарства и сообщением, что температура у Яри довольно высокая. Моррис помог заварить это лекарство, потом коротко кивнул на сообщение, что мужчина предпочитает провести время с любимой, чем выяснять отношения с ее отцом. Он не возражал. Оставшись один, он снова закурил, стоя у открытого окна, а потом посмотрел на часы. До работы оставалось почти два часа, и это время он хотел потратить с пользой. Но что лучше сделать? Спать уже нет смысла, гулять по улицам ночного города... он уже не в том возрасте. Просто сидеть и вслушиваться в разговоры за стенкой? Ревновать, что любимая дочка предпочитает быть рядом с каким-то японцем с сомнительным, как он сказал, вероисповеданием? Нужно принять, что дочка уже выросла, что у нее есть свои интересы, что она личность, которой может нравиться что-то другое, отличное от интересов семьи и любимого папы. Мсье Мотидзуки был прав, подсказав, что он не тот человек, рядом с которым отец хотел видеть свою дочь. Но что поделать - все мы несовершенны...

Он пришел с гостиной и включил телевизор. По одному из каналов шла очередная часть "Сумерек". Он знал об этой саге совсем немного и то со слов дочери. Хотя Яри

сказала, что это не очень интересная вещь, но фильмы поставлены неплохо. Фильм закончился, начались новости. Пять тридцать утра. Он вздохнул. Наверное, все-таки стоит уйти на работу, чтобы не мешать им. Он умылся, переоделся, достал из шкафа комплект постельного белья и одеяло, положил на диван в гостиной и подошел к двери в комнату дочери. Собрался с мыслями и легонько постучал в дверь. Приоткрыл ее. Мсье Мотидзуки поил его дочку лекарством, и он кашлянул.

- Мсье Мотидзуки, на секунду, - устало сказал он и, дождавшись, когда тот выйдет, посмотрел на него. - Мне нужно на работу, все равно сейчас не засну. Я благодарен вам за все, что вы делаете для моей дочери. Я вызову врача, его зовут Паоло, он наш семейный доктор. Примерно моего возраста с пышной черной бородой и с моноклем в глазу. Яреци его раньше боялась. Все, что он выпишет, купите в аптеке, она находится в доме напротив. Я оставил деньги на столе. Не отказывайтесь. Я положил вам белье в гостиной на диване. Если понадобится плед, то они в шкафу у Яри. Она себе все пледы забрала. Спасибо вам за помощь и заботу.

И он, кивнув, вышел из квартиры. Если бы кто знал, насколько тяжело дались ему эти слова. Ведь он не привык просить о помощи посторонних людей, да и оставить в своей квартире постороннего... хотя Тору не был посторонним. Уже не был...

Тору Мотидзуки

Первые несколько глотков Яреци сделала послушно, хотя по ее лицу было видно, что данное действие не доставляет ей ни малейшего удовольствия. Но Тору был неумолим, задавшись целью влить в нее все лекарство до последней капли, так что на ее детские капризы ответил новой порцией ворчания.

- Естественно, нужно выпить все. А то невкусно ей... Понятное дело - это не десерт. Не надо было болеть, а потом и вовсе доводить свой организм до такого плачевного состояния. А раз сама виновата, то теперь мучайся и надейся, что я не решу, что тебя стоит лечить горячим молоком.

Тору помнил, что девушка ненавидит молоко, и тем слаще могла бы быть его маленькая месть, замаскированная под заботу о ее здоровье. И вообще, Мотидзуки уже подумывал, что стоит полечить ее так, чтобы в следующий раз, она начинала прятаться от него при первом же чихе. Может тогда бы она стала хоть немного задумываться, прежде чем сделать что-то опасное для своего физического или психического состояния.

- А по поводу прощения... - Тору окинул взглядом ее хрупкое, укутанное им же самым в одеяло тело и осунувшееся лицо и, почувствовав, как сердце снова сжалось от жалости, добавил, - прощу когда-нибудь. Куда же я денусь? Но это не повод расслабляться и не слушать, что тебе говорят. Пока я на тебя все еще зол. - Тору снова поднес к губам Яреци кружку, заставляя ее сделать еще несколько глотков. Процесс принятия лекарства явно растягивался на неопределенный срок, и ему следовало запастись терпением.

Когда Яреци допивала последние капли в дверь постучали, и, обернувшись на стук, Мотидзуки, как и следовало ожидать, обнаружил хозяина дома, который позвал его на разговор. Ни с одним из сказанных ему слов Тору спорить не стал, лишь

несколько раз коротко кивнув и поблагодарив отца Яри за его заботу. Несмотря на их расхождения по вопросу счастья его дочери, Моррис вызывал к себе уважение, демонстрируя решительность и знание границ, через которые не стоит переступать, одновременно.

Короткий разговор закончился не менее коротким прощанием и, вернувшись в комнату Яреци, Тору первым делом залез в шкаф за пледом. Он хотел как следует укутать девушку и надеялся, что после всех его действий в ближайшее время ей станет легче, и она сможет заснуть. Собственно, он и сам был бы не против немного отдохнуть, хоть как-то компенсируя беспокойную ночь, забравшую чуть ли не все его последние силы.

Яреци Фернандез

Ей казалось, что не только российские фармацевтические компании любят издеваться над потребителями, но и Тору тоже не особо далеко ушел, заставляя ее пить эту отраву. Почему-то вот сейчас этот напиток, который она употребляла в течение нескольких дней болезни, казался ей таким отвратительным на вкус, что хотелось его выплюнуть. И Тору заставил его выпить полностью. Ужасно несправедливо. Так издеваться над больным человеком.

На ее слабую реплику он ответил недовольным ворчанием, чем вызвал слабую улыбку. Пожалуй, она любила его таким, ворчливым, недовольным, но любящим. Он ее любил, несмотря на все, что она ему сделала.

- У меня болит горло, больно глотать, - в какой-то момент она пожаловалась ему, когда он снова заставил пить ее лекарство. А потом он сказал про молоко, и это воспоминание об этом жутком напитке чуть не вызвало рвотные спазмы. Она сглотнула и стерла выступившие на глаза слезы. - Ты меня настолько сильно ненавидишь, что готов поить этой гадостью?

На ее губах была слабая улыбка, которая давала понять, что она всего лишь шутит, говоря про ненависть. Она услышала стук в дверь, потом увидела папу и закрыла глаза, опустившись на подушку. Она не слышала, о чем они говорили, но ее это не волновало. Потом вернулся Тору, и девушка зевнула, посмотрев на него. Он заботливо укрыл ее пледом.

- Тору, мне показалось, что папа обратился к тебе по имени? Он... ты не обижайся на него. Ты говорил, что у вас в стране не принято такое обращение... но... я надеюсь, что вы с ним подружитесь... - тихо прошептала она и положила ладонь на его щеку. - Я... хочу спать... и тебе, наверное, надо поспать. Ты не очень хорошо выглядишь...

И она закрыла глаза и, не договорив, заснула...

Тору Мотидзуки

Завернутая сверху еще и в плед, Ярецы напоминала бабочку незадолго до того момента, как она выйдет из кокона. Правда в случае девушки он очень надеялся, что ей не придет в голову идея портить его работу и снова бегать по квартире за тем, о чем можно просто попросить. А в том, что он сможет не смыкая глаз за ней

присматривать и вовремя остановить, если ей в голову придет очередная глупая мысль, Тору начинал сомневаться.

- Да я и не обижаюсь на твоего отца. За то время, пока я не был в Японии, меня как только не называли. А он сегодня вел себя весьма достойно. Что же касается имени, это просто стало неожиданностью, хотя, скорее, приятной.

Только сейчас Тору начал осознавать, что во всей этой проблемной ситуации есть один заметный плюс - отношения с отцом Яреци начали меняться в положительную сторону. Хотя японец все же предпочел, чтобы этот прогресс возник не на столь болезненной для всех участников почве.

Сообщив, что он плохо выглядит, и породив тем самым желание задать каверзный вопрос "а из-за кого?", Яри отключилась, оставив его наедине со своими мыслями. Правда ускользающее сознание потихоньку подсказывало Тору, что это ненадолго. Вспомнив, что на десять часов у него был запланирован семинар, Тору вышел из комнаты, присел на диван в гостиной и отправил сообщение с извинениями одному из организаторов, обещая себе обязательно позвонить всем заинтересованным лицам, когда время перевалит хотя бы за восемь часов утра. Он не знал, когда придет врач, но догадывался, что это произойдет не раньше чем через пару-тройку часов, так что позволил себе прикрыть глаза и расслабиться, хотя бы на десять минут. И накопившаяся усталость тут же взяла своего, заставив его уже через пять минут забыться крепким сном.
